

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

ФЕСТИВАЛЬ

Спать или не спать?

Эту дилемму завсегдатаи Дягилевского фестиваля решают однозначно

Юлия Баталина

За время проведения XII Международного Дягилевского фестиваля было выпито 5000 стаканчиков кофе — и это только в фестивальном клубе; а ведь кофе пили и в шатре во дворе Дягилевской гимназии, где проходила чуть ли не третья фестивальных событий, и в кофейне напротив Пермской художественной галереи в три часа ночи, когда заканчивался последний ночной концерт... Или первый утренний? Сложно было понять. Словом, без кофе, отпуска и социальных сетей фестиваль было не пережить.

Театральный крен

Дягилевский фестиваль проводится с 2003 года, но в ежегодном режиме — с 2011 года, когда к руководству им приступил Теодор Курентзис. Ежегодный режим — принципиальная установка худрука, и это довольно жёсткое расписание: к подготовке очередного фестиваля приступают, когда предыдущий ещё не кончился, ведь у хедлайнеров событий такого уровня выступления на годы вперёд расписаны. Неудивительно, что каждый фестиваль имеет особенности, проистекающие из объективных обстоятельств.

Так получилось, что нынешний Дягилевский фестиваль получил очевидный театральный крен: концертов, особенно масштабных, было меньше, чем год или два года назад, зато было много перформансов и театральных постановок: от классического спектакля Робера Лепажа «Иглы и опиум», поставленного ещё в 1991 году и обновлённого в 2013-м, и до новинок, родившихся буквально на фестивале, как остроумно сказал один из инсайдеров, «у Теодора на кухне». Понятно, что и самые сильные потрясения, и самые сильные разочарования преподнесла именно эта сфера.

Из потрясений, кроме «Жанны на костре» в постановке Ромео Кастиеллуччи и Теодора Курентзиса, о которой «Новый компаньон» уже писал подробно, номер один — хореографический спектакль Алены Плателя *Nicht Schlafen*, название которого — «Не спать!» — стало фестивальным мемом. Бельгийский хореограф и его группа *Les Ballets C de la B* не впервые в Перми: их спектакль *C(h)oeurs*, что можно перевести как «Хоры/Сердца», получил

Дягилевскую премию (её тогда ещё вручали) и был показан на фестивале 2014 года. Как и *C(h)oeurs*, «Не спать!» стал самым масштабным событием фестиваля и вызвал самые горячие споры.

Думается, многое проясняет интервью Плателя, опубликованное в этом же номере «Нового компаньона»: «Не спать!» — это спектакль о природе ритуала от древности до XXI века, о глобальном человечестве, о причудах и радостях мультикультурности, о том, что природа искусства едина, будь то музыка Малера или конголезские песнопения. Девять героев этой постановки проходят причудливый, полный надломов и внезапных поворотов путь от дикости к радости единения, к принятию друг друга. Единение totallyно: танцовщики выходят, выпрыгивают и выполняют в зал, братаются со зрителями, обмениваются деталями одежды, вытаскивают зрителей на танец... Финал спектакля — торжество веселья и лёгкости. Разумеется, пережить это счастье могут лишь те, кто к этому готов.

Последнее утверждение подходит ко многим спектаклям и перформансам фестивальной программы: многие из них требовали подготовки или хотя бы внутренней готовности принять «странное». Легче прочих воспринимались уже упомянутые «Иглы и опиум» — простой и трогательный рассказ о Жане Кокто, Майлсе Дэвисе и современном артисте, связанном по работе и по жизненным обстоятельствам с тем и другим. Рассказ простой по сути, но виртуозно сдёланый и актёрски, и технически. Когда главный герой растворяется в звёздной вселенной постоянно меняющейся сце-

Элени-Лидия Стамеллу в перформансе «Лунный Пьеро»

нической реальности, в зале раздаётся дружное «Ax!».

Выступление культовой дивы американского авангарда Мередит Монк с музыкальным перформансом *Cellular Songs* было рискованным предприятием, но оно удалось: невероятные вокальные техники, позаимствованные у коренных жителей Америки, покорили пермяков, которые тихо и почти не включая телефоны полтора часа слушали магические завывания, прищёлкивания и другие экзотические звуки, производимые пятёркой певиц преклонного возраста.

Сложнее писать о неудачах, но придётся: ведь они тоже были. Непонятно, чем руководствовались отборщики фестиваля, включая в него перформанс Изабеллы Карайн «Госпожа Смерть встречает господина Шостаковича». Именем исполнительницы — прямого потомка Герberта фон Карайна? Возможность исполнить камерные произведения Шостаковича? Актуальностью темы? Любая причина недостаточна для того, чтобы на фестивале в России читать русскую поэзию начала XX века на немецком языке. Правда, струнный квартет солистов оркестра *MusicAeterna* и пианист Алексей Зуев Шостаковича играли прекрасно, и это спасло всю историю.

Перформанс присутствовал на фестивале не только в отдельных спектаклях, он пронизывал всю его ткань. Приходишь на «Лунного Пьеро» Шёнберга — и приходится подождать часик в фойе частной филармонии «Триумф», где тут и там стоят неподвижные фигуры с закрытыми глазами: перформанс такой. На ночном камерном концерте в Доме Дягилева посреди выступления струнного квартета вдруг из зала поднимаются прекрасные барышни в вечерних платьях и молодые люди в строгих костюмах с маленькими фонариками, которые начинают совершать странные перемещения... Перформанс в постановке Лилии Бурдинской. Приходишь на концерт в Органный зал — а там поют, пляшут и активно вовлекают в веселье зрителей разноцветные ребята из Центра Ежи Гrotowskого.

Любовь Теодора Курентзиса к перформансу была очевидна: в этом жанре состоялось, например, исполнение «Лунного Пьера» Арнольда Шёнберга самим Курентзисом, сборным инструментальным ансамблем и певицей Элени-Лидией Стамеллу, и если исполнение было безупречным, а певица невероятной, то к режиссуре Нины Воробьёвой, довольно манерной и слегка избыточной, есть вопросы.

основная программа фестиваля

36 событий

6 российских премьер

2 мировые премьеры

основная программа фестиваля

77 часов музыки

продано

более 14 000 билетов